

Глава 3

1

Карабо заперли в одной из комнат.

Учитывая, что факультет политики взял ситуацию в свои руки, да ещё и при поддержке «Рельсового цеппелина», сопротивляться было бесполезно. К тому же все маги Часовой башни сочли это замечательным решением маленькой проблемы.

Его глаза замотали бинтами, предоставленными сотрудниками «Рельсового цеппелина», а ноги сковали цепями, которые также усилили магией, чтобы пресечь любые попытки сбежать.

Мы с учителем стояли в этой комнате.

Нам удалось добиться разрешения поговорить с Карабо, когда он очнётся. Видимо, нам пока доверяли и не опасались, что мы его отпустим, но сказать наверняка было сложно. В данный момент снаружи комнаты стоял на страже один из сотрудников «Рельсового цеппелина».

Глядя на лишившегося Мистических глаз Карабо, который всё ещё был без сознания, учитель негромко вздохнул.

— Почему ты ходишь за мной?

— Потому что! Я же твой лучший друг! Если будешь и дальше говорить такое, то я залью вагон кровью и горькими слезами, но всё нормально!

Учитель решил полностью проигнорировать Мелвина, который действительно начал проливать весьма раздражающие крокодильи слёзы.

Кстати, Каулес по просьбе учителя остался с Ольгой-Марией. Он решил, что с юношей, который сопровождал её вчера после смерти Триши, девушке будет немного спокойнее.

— Ваше тело... Вы точно хорошо себя чувствуете?

— Если я особо не двигаюсь и просто разговариваю, то да, — учитель изогнул губы в горькой усмешке.

Цвет его лица никак нельзя было назвать нормальным. Он в принципе не мог хорошо себя чувствовать. Да, учитель успел защититься с помощью магии и не принял на себя весь удар, но его тело всё равно угодило под Благородный Фантазм той Слуги. Я до сих пор чувствовала запах палёной плоти.

Жаловаться было не в духе учителя, но он всё равно страдал от боли.

— Пока Карабо не пришёл в себя, предлагаю разобраться в ситуации, — произнёс учитель, надевая очки.

Разобраться в ситуации. С тех пор, как мы сели на «Рельсовый цеппелин», многое произошло. Я решила расположить всё по порядку.

Кража реликвии.

Приглашение на аукцион.

Смерть Триши.

Нападение Слуги.

Появление Дитя Айннаш и его уничтожение.

Едва ли не гнусная детективная драма, разыгранная магессой с факультета политики.

Каждое событие я снабдила коротким вопросом и определилась с тем, какой из них стоило задать первым.

— Учитель, Вы действительно думаете, что Карабо убил Тришу? С помощью этих... Мистических глаз мимолётности, как сказала Хисири?

Учитель покачал головой.

— Соглашусь лишь, пожалуй, с последним. Вероятно, это правда, поскольку представители «Рельсового цеппелина» дали этим глазам название и заявили, что преступление было возможно. Однако между словами и действительностью существует огромная пропасть. Мисс Адасино настаивала на существовании связи. Уверен, она понимает, что её спектакль был похож на проявление силы. Однако ей, скорее всего, этого более чем достаточно. Факультету политики без надобности искать настоящего преступника.

— Им нужно лишь, чтобы в Часовой башне всё шло своим чередом, да? — вставил Мелвин, словно соглашаясь.

Полагаю, магу, который много времени провёл в Часовой башне, позиция факультета политики была знакома. Это совершенно иной вид разложения власти. Сущность, полностью посвятившая себя своей роли. Я сглотнула, осознав, что власть имущие и те, кто им подчинялся, считали друг друга всего лишь шестерёнками одного большого механизма.

— Кстати, я впервые встретил заместителя владельца. Ты видела её раньше, Грэй?

— Да, но лишь... мельком.

— Если так, то дело в духовной чувствительности, — в словах учителя слегка чувствовалось нечто, похожее на зависть.

— М-может быть. Похоже, она была будто невидима даже для других магов.

Сказав это, я закусила губу.

Стоило ли задавать следующий вопрос? Он рвался из моей груди, поэтому я не удержалась.

— Учитель, что Вы думаете насчёт Слуги?

Я покосилась в сторону Мелвина.

Платок молодого человека был запятнан багрянцем, потому что его в очередной раз вырвало кровью. Честно говоря, после такой потери крови требовалось переливание, но я не знала, как именно было устроено его тело.

— Слуги? В смысле? — ожидаемо оживился Мелвин. — Ты имеешь в виду Призрака прошлого? Копию Героической души вроде тех, что участвовали в Войне за Святой Грааль вместе с Вэйвером? Я как раз гадал, кто его ранил. Это дело рук Слуги?! Откуда в Англии Слуга? Да ещё и на «Рельсовом цеппелине»?

— Хотел бы я знать.

Коротко ответив на шквал вопросов, учитель устало откинулся на спинку инвалидного кресла.

— Учитель, Вы... должны отдыхать...

— Всё нормально. Не зря же я раздобыл это кресло.

Однако его дыхание было ужасно затруднено.

Несмотря на это, он вяло поднял взгляд и спросил у Мелвина:

— На всякий случай поинтересуюсь. Это ведь не ты убил Тришу?

— Ох, Вэйвер, ты меня обижаешь. Из года в год я постоянно слышу от тебя необоснованные обвинения в брачных мошенничествах и продаже незаконных препаратов!

— Потому что ты прохиндей, который постоянно этим занимается. Впрочем, будь ты преступником, мы бы уже устали от твоего бахвальства. Можешь говорить открыто, Грэй. Ты сталкивалась с той Слугой, пока я был без сознания?

— Эм... да, — кивнула я.

Доверие между ними оставалось для меня загадкой, но учитель сказал, что всё было нормально, поэтому я не стала спорить.

— Спасаясь от Дитя Айннаш, я угодила под лавину, и Слуга спасла меня. Она сказала, что... я должна погибнуть на поле боя.

— Да, такое мышление характерно для древнего воина, — учитель ностальгически рассмеялся, после чего пробормотал: — Жаль, что мне этих слов никогда не услышать.

Этого было достаточно, чтобы понять, что ранение даже рядом не стояло с тем изумлением, которое он испытал при встрече с той Слугой. Естественно, ведь воительница говорила с ним так, словно полностью отрицала его личность.

«Какое неприятное лицо».

«Мне было интересно, что ты за маг такой... Но, пожалуй, это того не стоило».

«Чёрт, что за пустая трата времени. Я не думала, что ты так сильно меня разочаруешь».

У меня похолодело в груди.

Я прижала руку к сердцу, которое словно превратилось в камень, и сделала вдох. Затем ещё один. Что чувствовал мой учитель? Какое горе он испытал, когда само его естество отвергла ближайшая спутница его идеала?

Но всё же...

Всё же я должна была спросить.

Отбросив сомнения, я подняла взгляд и спросила:

— Эм-м... Та Героическая душа... Какая она?

— ...

Учитель не спешил с ответом. В таких случаях я обычно хранила молчание, но сейчас решила не останавливаться.

— Ольга-Мария сказала, что... Гефестион была близким другом Искандера...

— Ха. Нет никаких сомнений в том, что Гефестион считалась его самым доверенным вассалом. Об этом свидетельствуют многочисленные легенды. У Искандера в подчинении было много героев и великих воинов, но Гефестион шла первой среди них.

Таким образом учитель подтвердил мои слова.

— Поэтому-то я и растерялся.

— А?

Увидев, как я недоумённо моргнула, он тщательно обдумал свои следующие слова.

— Я... не видел её среди Ионийских гетайров.

— Ионийских гетайров?..

Я впервые услышала эти слова, но догадывалась, что они означали.

Учитель прищурился, словно поняв это по выражению моего лица.

— Вот оно что. Тебе Райнес рассказала?

— Эм... да. Это один из Благородных Фантазмов Искандера, который служил Вам во время Четвёртой Войны за Святой Грааль?

— Это я ему служил.

Учитель почесал щеку с натянутой улыбкой.

— Но в целом ты права. «Ионийские гетайры» - это необычайный Благородный Фантазм, который призывает могучую армию Искандера в виде Зеркала души. Я был ошеломлён, когда увидел её. Великую армию, которая прошла от Македонии до далёкой Азии. Непревзойдённые воины, махараджи, основатели династий, храбрые мужи с огнём в сердцах – все они, несомненно, были Героическими душами.

Учитель словно не с нами говорил, а зачитывал отрывок из книги. Причём ему не нужно было даже открывать эту книгу, потому что он знал её наизусть и постоянно держал как можно ближе к сердцу.

Я словно увидела это лично.

Могучая древняя армия, которая с рёвом несётся по пустоши. Всадники и копейщики, облачённые в любимые доспехи, гордо поднимают своё оружие с непреодолимым стремлением и любопытством в глазах. И возглавляет их царь, единственный и неповторимый.

Вероятно, именно из-за этого Благородного Фантазма Искандер считался особенным среди Героических душ. Даже разделённые смертью, даже по прошествии более чем двух тысячелетий, даже после того, как мир призвал их души к себе, они возвращались вновь, отвечая на зов царя, наполненный магической энергией. Это была сильная и нерушимая связь.

— Его армия исчислялась десятками тысяч воинов. Мне даже не со всеми генералами удалось поговорить. Но среди них точно не было женщины. Как уже было сказано, Гефестион, его величайшего вассала, я в этом Зеркале души не видел.

— ...

Героической души, чьё присутствие следовало бы ожидать, там не было.

Похоже, именно потому, что армия представляла собой невероятную орду Героических душ, это ещё сильнее бросалось в глаза. В этой войске, насчитывавшем десятки тысяч солдат, генералы должны были выделяться, чтобы вести за собой подчинённых. Я не могла поверить в то, что учитель не заметил великолепия столь великого человека, возвышавшегося над остальными; человека, которому с древних времён приписывали отличительные ауру и обаяние.

Если так, то кем была эта воительница?

— Несмотря на это, сложно сказать, что эта женщина не Гефестион. Она смогла использовать Гордиеву колесницу, Фантазм Искандера. Помимо него самого, единственной Героической душой, способной на такое, был бы Гефестион. Ведь сам Аристотель описывал их дружбу как «одну душу, обитающую в двух телах».

Разумеется, учитель знал об этом. Я вспомнила рассказ Ольги-Марии о том, что Искандер просто рассмеялся, когда мать Дария III пала ниц перед Гефестионом, приняв его за царя.

Учитель откинулся на спинку кресла и прижал пальцы к виску.

— Однако... я бы скорее поверил в то, что она Олимпиада...

— Ах да, мать Александра... то есть Искандера, — вклинился Мелвин. — Царевна могущественного государства, вступившего в союз с Македонией.

Позже мне рассказали, что Олимпиада была не только матерью Искандера, но и довольно пугающей женщиной.

Согласно легенде, на каждом празднестве она впускала в своё тело духов и насылала на людей полчища змей.

Ещё перед свадьбой ей приснилось, что в её утробу ударила молния, и поэтому Искандера зачал сам Зевс.

Говорят, что отец Искандера Филип II пытался убить её, потому что хотел жениться на другой... или что-то в этом роде. Она предрекла героическое путешествие своего сына и отличалась крайне суровым характером.

— Насколько я помню, жречества как такового в Македонии не существовало, поэтому Олимпиада отвечала за все важные ритуалы. Религиозность людей того времени – и сила таинств – сделала её чрезвычайно важной фигурой для Искандера и всего царства. Обычной приверженкой какой-то новой религии её точно не назовёшь.

Слушая Мелвина, я внезапно вспомнила слова самой воительницы.

— Кажется, она упоминала, что мать Искандера велела ей приглядывать за ним.

— Хм-м... Я бы не назвал такие отношения слишком уж странными, — после паузы Мелвин закрыл глаза.

Когда я закрыла рот, чтобы не мешать ему думать, Мелвин прошептал мне на ухо:

— Я не совсем уверен в том, что здесь творится, но... ты хочешь сказать, что сюда нагрянул сам Гефестион?

— По крайней мере, если верить её словам.

— Хо-хо-хо! — в глазах молодого человека вспыхнул неприятный огонёк.

— Тихо.

Учитель внезапно приложил указательный палец к губам, и его взгляд сместился в сторону.

Спустя несколько секунд старик, лежавший у кровати, пошевелился.

— Карабо.

Судя по всему, священник пришёл в себя. Видимо, напуганный внезапной слепотой, он несколько раз прикоснулся к лицу, после чего потянул за цепи на его ногах.

— Простите, но по приказу мисс Адаино Вас задержали.

— Вот как. Этот голос... Лорд Эль-Меллой, я прав?

— Со мной также моя ученица Грэй и мой, скажем так, друг Мелвин Вайнс, если Вам вдруг интересно. Также я Лорд Эль-Меллой *второй*, прошу Вас не забывать об этом.

Губы священника слегка изогнулись, когда учитель спокойно поправил его.

— Значит, истории не врут. Я слышал, что новый Лорд нынешнего поколения просит всех называть его «вторым» из уважения к предшественнику.

— Он был выдающимся магом, и я не один так считаю, — отмахнулся учитель, не соглашаясь со словами Карабо, но и не отвергая их.

Я совсем немного слышала об этом, но могла понять, что отношения между учителем и его предшественником были крайне сложными. Они пытались убить друг друга в прошлом во время Четвёртой Войны за Святой Грааль, но оба так и не увидели, чем всё закончилось. Я не знала, какие чувства мой учитель испытывал по отношению к предыдущему Лорду Эль-Меллою сейчас, но одно можно было сказать наверняка: он был одержим «двойкой» в своём титуле.

— Позвольте кое-что прояснить, — невозмутимо произнёс учитель. — Отец Карабо, Вы действительно были замешаны в инциденте семилетней давности?

— Не знаю, — ответил старик, повесив голову. Его морщинистые пальцы скрипели и дрожали, представляя собой очень жалкое зрелище. — Я правда забыл, что имел какое-то отношение к тому делу.

— То есть Вы... не помнили?

Это было похоже на откровение. То, что сказал старик, казалось, совершенно не вписывалось в его образ. Наверное, поэтому я даже не усомнилась в его последующих словах.

— Более того, в последнее время я всё чаще обнаруживал дыры в своём прошлом. Моя память будто изъедена червями... — сказал старик, к моему изумлению.

Учитель тоже с напряжённым лицом внимательно слушал признания священника.

— Прошое, каким бы ужасным оно ни было... могло просачиваться в меня. Даже когда я закрывал глаза, оно обрушивалось на мою голову, словно лавина, насмехаясь над всеми попытками этого избежать. Хуже всего было то, что мои воспоминания разрушались с не меньшей силой. Вот что со мной делали мои Мистические глаза.

Поэтому он хотел от них избавиться?

Наверняка по этой же причине старик выступил против отмены аукциона, когда мы столкнулись с ужасающим Дитя Айннаш. Он сел на этот поезд, чтобы избавить себя от страданий, сохранить то небольшое, что он него осталось.

Но это также вскрывало ещё один факт.

— Значит, Вы действительно не могли контролировать свои Мистические глаза, — озвучил правду учитель. В каком-то смысле эти слова подтверждали умозаключения Хисири.

— Да... Похоже на то... — голова Карабо безвольно висела, словно сгнившая ветка.

Его пальцы вцепились в повязку. Крови не было. Извлечение глаз, осуществлённое заместителем владельца, по всей видимости, было безболезненным. Скорее всего, повязка была лишь мерой предосторожности, чтобы защитить глазницы от внешнего воздействия.

— Ох... — простонал старик, словно охваченный отчаянием. — И всё же... если бы у меня остались эти глаза, я мог бы, по крайней мере, выяснить, что произошло семь лет назад...

Он сказал, что Мистические глаза, которые он так сильно ненавидел, теперь были ему нужны.

Это было так иронично, что у меня даже не нашлось слов утешения. Как обычно, я могла лишь стоять в стороне, задыхаясь от столь ужасного итога. А чувство беспомощности казалось медленной пыткой.

— Кто-то... — начал бормотать священник. — Если кто-то купит эти глаза, мы сможем узнать об инциденте семилетней давности, верно? И не только!..

— Возможно. Но я не в состоянии позволить себе такую покупку, — покачал головой учитель.

Действительно. Возможно, нам представится шанс поговорить с тем, кто их купит, но вероятность, того что нам пойдут навстречу, будет мизерной. Очевидно, что Хисири и факультет политики не заинтересованы в поисках иного объяснения произошедшего. Поэтому, кто бы ни приобрёл эти глаза, мы не сможем заглянуть в прошлое Карабо или узнать о событиях семилетней давности.

— Ха-ха, может, тогда мне их купить? — раздался расслабленный голос.

— Мелвин...

— Нет-нет-нет, я уже места себе не нахожу от беспокойства. Все эти разговоры о Слугах и обезглавленных телах... Учитывая, что это самый дорогой лот, я не могу ничего обещать, но мне интересно вступить в борьбу и посмотреть, чем всё закончится. Всё-таки ради аукциона я и проделал весь этот путь, — с довольной улыбкой он посмотрел на моего учителя. — Естественно, будет весело. Что скажешь, Вэйвер?

— Я не продам душу дьяволу, — резко произнёс учитель.

Мелвин же просто пожал плечами и повернулся ко мне.

— Кстати, Грэй. Боюсь, я не был знаком с жертвой. Ты можешь что-нибудь вспомнить про Тришу Фэллоуз?

— Тришу?..

Я задумалась.

К сожалению, мы с ней почти не общались. Почти во всех случаях со мной был учитель, поэтому вряд ли что-то в ней привлекло моё внимание.

— Ну, я кое-что увидела при нашей первой встрече...

Я смутилась, вспомнив про то, что было при ней.

— Что именно?

— Эм... Когда мы стояли на железнодорожной платформе, я заглянула под её одежду... и там было... э-э-э... там было... кое-что... неприличное...

— Прошу прощения?

Слова учителя заставили меня покраснеть ещё сильнее.

Более того, он нахмурил брови и вновь спросил, совершенно не обратив внимание на моё смущение:

— Ну-ка повтори, что ты увидела?

— А-а-а-а! Это...

Словно не желая слышать никаких возражений, учитель подкатил своё инвалидное кресло ко мне.

— Что. Ты. Увидела?

— Ну...

Естественно, я не хотела повторять. Но мне попросту не хватало сил, чтобы упорно противиться ему. Сдаваясь, я уставилась себе под ноги и прошептала:

— Как я уже с-сказала... у Триши под одеждой... был... неприличный предмет...

Чувство было такое, будто на моей шее затянулась петля. Я даже ощутила, как Адд под моим правым плечом изо всех сил сдерживал смех. Как же я его ненавижу. Господь, если ты существуешь, прошу испепели этот невыносимый Тайный знак.

Однако реакция учителя была совершенно неожиданной. Он прикрыл рукой рот и округлил глаза. Спустя какое-то время учитель прижал пальцы к вискам и прошептал, словно пророк, которого посетило откровение:

— Не вижу в этом ничего удивительного. Даже у меня есть средства для самозащиты. Но этот предмет присутствовал на месте преступления. Даже если у него была защитная функция, он оказался не таким надёжным, как Подавители Мистических глаз. В таком случае...

В комнате воцарилась тишина.

— У него было и есть другое назначение.

— Учитель?

Он никак не отреагировал на мой оклик и продолжил говорить в невероятно спокойной манере, глядя в никуда:

— Это не умозаключение. Это даже дедукцией не назовёшь. Но если я прав, то одно можно сказать наверняка. Преступник – мой враг.

Он был напуган.

Мы с учителем становились свидетелями сложных и очень странных происшествий. Однако во всех случаях он лишь реагировал на события и раскрывал дело. Сыщики в детективных романах так и работали. Однако что-за перемена в сердце заставила его заявить такое?

— Если это так, то нам нужно ещё кое с чем разобраться. Чтобы завершить этот ритуал, необходим катализатор.

— Учитель?

Развернув кресло и подкатив его к двери, учитель бросил взгляд через плечо.

— Я к Вам ещё загляну, мистер Карабо.

— П-прошу прощения! — я поспешила вслед за его креслом, которое выкатилось из комнаты.

Спустя несколько минут...

— А, учитель!

...в коридоре мы столкнулись с Каулесом. Пряди взъерошенных волос покачивались перед его очками.

Учитель сказал ему проведать Ольгу-Марию... но, судя по тому, что он стоял снаружи комнаты, возникла проблема.

В коридоре кроме нас никого не было. Я толкала инвалидное кресло, а Мелвин отправился выполнять другое задание по просьбе учителя.

— Мне очень жаль, но меня выставили за порог.

— Всё нормально, — сказал учитель, поднимая руку, после чего обратился к юноше: — Каулес, окажи мне услугу. Побудь здесь и никого не впускай в эту комнату.

— Хотите, чтобы я стоял на страже? Конечно, я не против.

— Если появится сотрудник «Рельсового цеппелина», то тут ничего не поделаешь, но во всех остальных случаях прошу предупредить заранее. Я возведу барьер, но, честно говоря, к своим навыкам у меня доверия нет.

Каулес склонил голову в ответ на слова учителя, приправленные горечью.

— Понимаю. Но, пожалуйста, не перенапрягайтесь, учитель. Вам правда не стоит так много двигаться.

— Спасибо, — поблагодарив его, учитель повернулся. — Открыто. Заходим.

Он резким движением толкнул дверь.

Как и ожидалось, посреди комнаты в кресле сидела Ольга-Мария.

— Опять Вы? — покосилась в нашу сторону девушка с серебряными волосами.

Судя по всему, она сидела в этой комнате с тех пор, как избавилась от Каулеса после окончания детективной драмы Хисири. Выражение её лица было жёстким и холодным, словно она не собиралась двигаться до самого конца поездки.

— Убирайтесь! Я уже выгнала Вашего ученика!

Учитель в ответ лишь спокойно коснулся края двери.

Похоже, он использовал какую-то магию. Видимо, возвёл барьер, про который говорил.

— Грэй.

— А, да.

Быстро обменявшись со мной словами, он подкатил своё кресло прямо к Ольге-Марии.

Когда дистанция между ними сократилась настолько, что они могли чувствовать дыхание друг друга, учитель медленно произнёс:

— Я хочу задать Вам один вопрос.

Ольга-Мария с отвращением на лице открыла рот, но, видимо, поняла, что не может просто отказать ему в этой ситуации.

— Что ещё? Разве факультет политики не отмахнулся от этого инцидента?

Девушка не сказала, что дело раскрыли. Похоже, она прекрасно понимала, что для факультета политики оно было лишь инструментом в некой политической игре.

— Они просто взяли и забрали голову Триши. Вы меня тоже не особо волнуете.

Её слова означали, что Хисири она больше не была нужна. Женщина с факультета политики только использовала Ольгу-Марию и голову Триши в качестве доказательства, чтобы разобраться с инцидентом на «Рельсовом цеппелине». Теперь девушка её не интересовала.

«Правда?..»

Почему-то это показалось мне странным. Ощущение было такое, словно в подушку, на которую я упала лицом, положили несколько заметных искусственных перьев.

Прежде чем я успела озвучить свои мысли, учитель произнёс:

— Моя дорогая, полагаю, меня одолевает досада.

— Досада?

— Да. В этот раз преступник – явно мой враг.

Он вновь использовал слово «враг». Преступник в этом деле, детали которого всё ещё оставались неясными, был совершенно несовместим с Лордом Эль-Меллоем II.

— Поэтому я хочу спросить. Из пространственного кармана Воображаемых чисел выпала только голова Триши Фэллоуз? Она оставила что-нибудь ещё?

Девушка ответила не сразу.

— Нет, — тихо прошептала она. — Почему я вообще должна Вам это говорить?

— Ольга-Мария?

Девушка даже не посмотрела на моего учителя, когда он назвал её по имени.

— Я вас ненавижу, — она нахмурила брови, вцепившись в свою юбку. Её тонкие губы дрожали, а в уголках глаз появились слёзы. — Ненавижу тех, кто делают вид, что всего добились упорным трудом! Ненавижу тех, кто выглядят настолько самодостаточными, что им не нужно чужое признание! В моих глазах вы оба такие, поэтому хуже вас нет никого!

— Учитель не...

Помотав головой, Ольга-Мария закричала:

— Об этом и говорю! Вы пытаетесь постоять за себя! Хотите что-то сделать после всего этого детективного балагана, устроенного факультетом политики, и не собираетесь сдаваться! На вашем месте я бы не испытывала ничего, кроме горя!

Её слова были слишком эмоциональными, слишком необоснованными, и поэтому обладали очевидной тяжестью. Девушка изо всех сил стиснула маленькие кулаки. Подёргивая носом и пытаясь справиться с унижением, она пристально посмотрела на нас.

— Но больше всего мне ненавистно то, что... я не могу вам отказать, — произнесла Ольга-Мария дрожащим голосом, после чего закуталась в одеяло.

— ...

После небольшой паузы учитель отстранился от неё. Затем раздался щелчок.

С таким звуком открылся портсигар, который он достал из нагрудного кармана. Чиркнув спичкой, учитель зажёл кончик сигары и сунул её в уголок рта. Запах дыма показался мне до ужаса ностальгическим. Учитывая его состояние, ему, наверное, не стоило курить, но я хотела насладиться этим ароматом.

Учитель повернул голову и медленно выдохнул облако дыма в сторону, чтобы не вызывать у Ольги-Марии дискомфорт.

— Я не победил, моя дорогая, — резко произнёс он.

— О чём Вы?

— Вам должно быть это известно. Если Ваша семья изучала Четвёртую Войну за Святой Грааль, то Вы наверняка в курсе, как я показал себя в той битве. Конечно, мне удалось выжить. Но не более того. Я не победил. Победителей вообще не было.

«Ох...»

Я впервые услышала о том, что в Четвёртой Войне за Святой Грааль никто не победил. Я знала, что учитель выжил, однако то, чем всё закончилось, оставалось для меня тайной.

«Если так, то...»

Поэтому скоро начнётся Пятая Война за Святой Грааль? Потому что в предыдущей не было победителей?

Если война между магами и Героическими душами за исполняющий желания Святой Грааль заканчивается ничем, то разве это не просто жестокая череда смертей?

Поэтому учитель, которому удалось выжить...

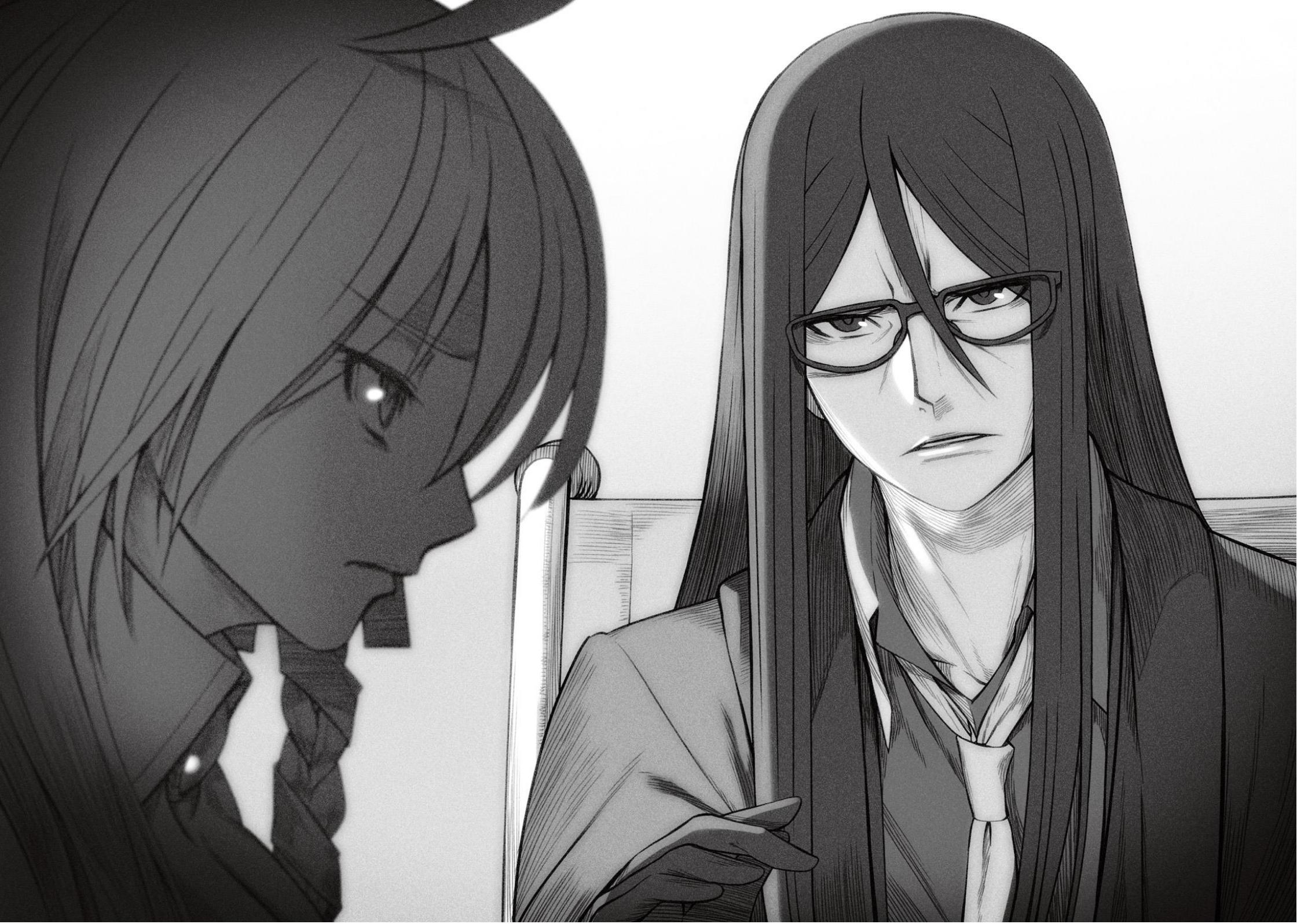
— Я не постоял за себя. Честно говоря, не поддаться страху было слишком тяжело. Это не значит, что я сдался. Проще говоря, мне никак не удавалось перестать думать. Я ни о чём не жалею, но каждую ночь вновь оказываюсь на той войне. Не помню даже, сколько раз воспроизводил в голове те события, немного менял их и представлял возможный результат. Думаю, легко понять, почему я хотел принять участие в Пятой Войне за Святой Грааль. Я просто желал кое-что доказать, моя дорогая. Доказать, что тогда слаб был лишь Мастер, а у Слуги были все шансы одержать уверенную победу.

Слушая его, я стиснула зубы.

Скорее всего, это мне уже было известно, но у меня всё равно заняло сердце. В горле свербело. Вот почему он пытался попасть на Пятую Войну за Святой Грааль. На «Рельсовом цеппелине», который прокладывал свой путь в пространстве между реальным и воображаемым, учитель наконец-то признался в своих самых сокровенных чувствах. Признался дочери Лорда, которая проиграла так же, как и он.

— Ольга-Мария Асмилейт Анимусфиа, — вновь медленно произнёс он, зажав сигару между пальцами. — В этот раз я хочу победить. Теперь, когда мне известно, что преступник в этом деле является моим врагом, я не могу позволить себе дать слабину.

Его слова были похожи на молитву.

Она ни в коем случае не была красивой. Учитель не мог сравниться с целомудренной монахиней, стоящей на коленях в безмятежной атмосфере церкви, но в нём горел огонь фанатизма, от которого зубы сжимались сами собой, а ногти впивались в ладони до крови. Возможно, в этом и заключался истинный смысл веры. Не в священных узах между людьми, а в чувствах, которые могли в любом пробудить необузданную свирепость.

Кресло, в котором сидела Ольга-Мария, скрипнуло, когда девушка слегка сместила свой вес под давлением учителя.

— Вы хотите сказать, что Святая Церковь не причастна к этому делу? — простонала она. — Что настоящий убийца всё ещё на свободе, и только Вы со своей спутницей можете его разоблачить?

— Для этого нам не хватает улик. Но если Вы нам поможете, всё может измениться.

Его следующие слова будто сияли ослепительным светом.

— Разве Вы не хотите победить, Ольга-Мария?

Он вновь назвал её по имени.

Как непорочный дьявол. Как дьявольский ангел. В учителе словно смешались до ужаса противоречивые концепции, когда он попытался переманить девушку на нашу сторону.

— Вероятно, я ещё сильнее посрамлю честь Триши. Вероятно, лишь подкреплю выстроенную мисс Адашино логику. Вероятно, Ваш образ будет опорочен, и Вы покинете этот поезд совершенно несчастной. Но... — учитель повысил голос. — Разве Вам не хочется доказать всему миру, что Вы не из тех, кто готов смириться с убийством своей слуги?

Воцарилась тишина.

Учитель измождённо откинулся на спинку инвалидного кресла. Похоже, что боль от ран, усилившаяся в результате столь страстной речи, всё-таки взяла верх.

Я подбежала к учителю и вытерла пот, обильно выступивший на его лбу.

Спустя какое-то время девушка протяжно вздохнула.

— Вы назвали меня Ольгой-Марией. Не Анимусфия и не дочерью Лорда.

— Да. Нам нужны Вы. Нам не победить без Ваших ответов, — вяло подтвердил учитель.

— Не забывайте, Лорд Эль-Меллой II. Это сделка.

— Естественно.

— В таком случае, — Ольга-Мария встала, увидев кивок учителя. Развернувшись на каблуках, она открыла ящик стола и кое-что достала. — Это выпало из кармана вместе с головой Триши.

— Как я и думал... — взяв предмет, учитель покатал его в ладонях и пробормотал: — Можно предположить, что лиса с факультета политики просто не заметила его, но это вряд ли. Более того, она не могла не знать предназначение этого Тайного знака. Картина не складывалась, поэтому она намеренно выкинула эту переменную из уравнения. Хм-м, неудивительно, если тот, кто видит, внезапно ставится тем, кого видят, верно?

Я ничего не поняла, но этот предмет, похоже, был необходим для рассуждений учителя.

«Только вот он... отличается от того, что я видела».

Покраснеть при первой встрече с Тришей меня заставило совсем другое. Этот же предмет походил на причудливое украшение из синего стекла с узором, похожим на глаз, который словно смотрел прямо на меня.

Положив его на стол, учитель произнёс:

— А теперь могу я задать ещё один вопрос? Для члена семьи Анимусфия, которая провела лишь поверхностное изучение Войны за Святой Грааль, Вы слишком много о ней знаете. Не объясните, почему? Если, конечно, это возможно.

— Тут всё просто.

— Меня это устроит.

— Дела это не касается, не так ли? Вы просто потакаете своей жалкой слабости к той Войне за Святой Грааль, — девушка замахала руками, словно этот вопрос не стоил её времени.

Она явно его провоцировала. Однако учитель даже бровью не повёл.

— Возможно. Пожалуй, мне до сих пор не удалось смириться. Но я не хочу останавливаться, когда головоломка начинает складываться, потому что иначе у меня возникает чувство, что я топчусь на месте. Может, это банальная одержимость, но это всё, что мне остаётся.

— ...

— Не так давно Вы назвали Святой Грааль подозрительным и даже усомнились в его существовании. Вам известно, что одну из Героических душ будет призывать представитель Офиса назначения на Печать, поэтому скажите, откуда столь критическое отношение?

И вновь Ольга-Мария на несколько секунд погрузилась в молчание, устремив взгляд в никуда, после чего наконец-то медленно произнесла:

— Тогда мой отец, Марисбери Анимусфия, кое-что сказал.

Её красивые губы выдавали какое-то чувство. Отцом Ольги-Марии был нынешний Лорд Анимусфия. Третий на моей памяти после учителя и той энергичной пожилой женщины, Лорда Вальюэлета. Один из двенадцати, возглавлявших Часовую башню.

— Великий Грааль Фуюки бесполезен.

— Бесполезен? — повторил учитель, приподняв бровь.

«Великий Грааль?»

Я тоже задумалась над этими словами.

Война за Святой Грааль представляет собой магический ритуал, в ходе которого семь избранных магов сражаются друг с другом вместе с семью Героическими душами вроде Искандера. Выжившая пара получает Святой Грааль, который способен исполнить любое желание... или что-то в этом роде. Но как Великий Грааль может быть бесполезен?

Видимо, подумав о том же, учитель спросил:

— Что это значит?

— Не знаю. Мой отец рьяно изучал войну, на которой погиб предыдущий Лорд Эль-Меллой, но в итоге пришёл к такому выводу. Поэтому я и считаю этот Святой Грааль пустышкой. Поделкой для достижения некоей иной цели, пусть и способной призывать Героические души, но точно не могущественным устройством, исполняющим желания. Думаю, он имел в виду именно это, — Ольга-Мария подняла взгляд. — Вам известно, что это за иная цель? Вы ведь участвовали в Четвёртой Войне за Святой Грааль почти до самого конца.

— Нет, — медленно покачал головой учитель. — Я не видел Великий Грааль. С тех пор у меня было немало гипотез, но мне так и не удалось их подтвердить. Может быть, я думал, что если приму участие в Пятой Войне за Святой Грааль, то смогу развеять эти тайны.

Осмыслить эти простые слова у меня получилось далеко не сразу.

С момента окончания Четвёртой Войны за Святой Грааль прошло десять лет. Учитывая природу учителя, возможно, она занимала все его мысли столько же времени, сколько я переживала из-за своей внешности.

Может быть, поэтому... Между мной, не блещущей умом, и учителем было мало общего, однако я всё равно порой эгоистично видела в нём родственную душу. Мне казалось, что мы с ним разделяли моменты невыносимого отчаяния, когда хотелось просто закричать.

Девушка с серебряными волосами, чей взгляд блуждал по комнате, внезапно пробормотала:

— Словно остаточный образ.

— Война за Святой Грааль?

— Да всё. То есть вообще всё, что я испытала в этой поездке, — ответила Ольга-Мария.

Она прищурилась, и её взгляд замер на предвечернем пейзаже за окном.

Лучи зимнего солнца были довольно слабыми, а проплывавшие тени обладали тусклым оттенком. Покинув пределы Дитя Айннаш, поезд в основном двигался через пустошь, рассекая моря зелени.

— Ваша Война за Святой Грааль, Дитя Айннаш да и сам «Рельсовый цеппелин» — лишь образы, которые оставили после себя давно исчезнувшие хозяева. Все знают, что отчаянно цепляются за иллюзии, но почему-то всё равно продолжают это делать. Вот что действительно нелепо и постыдно.

После слов девушки у меня возникло чувство, что я тоже была такой иллюзией.

Основное тело Айннаш.

Владелец «Рельсового цеппелина».

Они упоминались много раз, но оставляли лишь рябь на текущем деле. Нет, даже Мистические глаза мимолётности были похожи тем, что воплощали образы былого. Прошлое сковывало всех, отделяя от реальности, танцующей в незримых тенях.

— Остаточный образ... — задумчиво пробормотал учитель. Его спина задрожала. У меня подпрыгнуло сердце, когда я решила, что его тело, пострадавшее от Благородного Фантазма Слуги, достигло своего предела.

— Учитель?..

— Вот она. Недостающая часть. Критически важная деталь в этом механизме, — хмыкнув учитель поднял взгляд к потолку и положил ладонь на лоб. Медленно потеряв лицо, он негромко хихикнул. — Что и следовало ожидать... Вы действительно наследница семьи Анимусфия. Вашу точку зрения, может, и нельзя назвать рациональной, но она позволяет Вам воспринимать мир объективно.

— Ч-что? Мне не нужны Ваши внезапные комплименты!

— Но этот ответ можно подтвердить лишь с помощью... чёрт, как минимум карты из Часовой башни, — он положил руку на подлокотник инвалидного кресла и закусил губу.

Осудив учителя за его слова, покрасневшая Ольга-Мария спросила:

— Вам нужна карта?

— Ну... Я хочу посмотреть на духовные земли. Меня бы устроили свежие снимки со спутников, но если брать в расчёт «Рельсовый цеппелин», то без актуальных данных по астральному миру ничего не...

— Я всё сделаю, — коротко произнесла девушка.

— Что?

— Я сказала, что всё сделаю. Вам ведь нужна лишь поверхность этой планеты с нанесённой на неё информацией о координатах внутреннего мира, да? — Ольга Мария достала из стоявшей рядом сумки устройство размером с ладонь, представлявшее собой мешанину из линз и шестерней.

Судя по всему, это был Тайный знак, похожий на проектор.

— *Воссияй*, — прошептала Ольга-Мария, и устройство, негромко загудев, начало излучать свет.

В центре комнаты возник образ планеты. Её поверхность усеивало множество огоньков. Ольга-Мария протянула руку к одному из них и увеличила область в Великобритании, где мы, по всей видимости, находились.

— Это...

— Одна из множества экспериментальных псевдоэкологических моделей, созданных Анимусфия. С её помощью можно лишь узнать текущее состояние духовных жил и земель, но Вам этого должно хватить. Что? В этом нет ничего удивительного. Даже у факультета политики есть нечто подобное. Им же как-то надо отслеживать применение запатентованной магии.

Когда учитель издал протяжный стон, Ольга-Мария гордо выпятила грудь, сдерживая улыбку.

После пристального изучения учитель кивнул.

— Теоретическая часть мне понятна. Но я не думал, что Земля тоже интересуется семью Анимусфия.

— Она ведь одна из планет. Наша цель – не сами небесные тела. Чтобы более глубоко познать эту планету, быстрее всего устранить все помехи в небе и затем, используя реконструкцию в качестве процесса...

— Ольга-Мария?..

— Если Вас всё устраивает, то не задавайте лишних вопросов!

— Понял.

Учитель вновь присмотрелся к увеличенной области.

Его длинный пальцы проследили поток белого света и остановились в конкретной точке. Что-то набросав в своём блокноте, учитель несколько раз кивнул и выделил несколько чисел.

— Сомнений нет. По крайней мере, причина ясна. Цель убийцы предельно понятна. В таком случае...

Голос учителя эхом разносился по комнате.

Я очень хотела ему помочь, но у меня попросту не было ответов на подобного рода вопросы. Я закусил губу и отвела взгляд, сосредоточившись на пейзаже за окном. Ледяной лес остался позади. Спокойные виды сельской местности медленно сменяли друг друга, в то время как учитель всё глубже погружался в мысли.

Спустя какое-то время раздался глухой смех.

— Ха-ха...

— Учитель?

— Вот как. Это вопрос последовательности, не так ли?

Улыбка учителя разительным образом отличалась от привычной. У меня ёкнуло сердце, когда я увидела его обнажённые белые зубы, словно готовые вонзиться в мою глотку.

— В этот раз ты попался... Ха-ха, как я раньше не замечал? Это не загадка. Всё было очевидно с самого начала. Когда только мне в голову вместо мозгов насыпали опилок? Удар по живому был таким сильным, что я полностью упустил суть. О да. Разумеется, увидев, что Гефестион не был мужчиной, я сразу же задумался над причиной. Но важно не то, почему лучший друг Искандера оказался женщиной. И не то, почему её не было среди Ионийских гетайров. Прошло более двух тысячелетий. Основой легенды может быть любая случайность или историческая ошибка. Значит, надо копать глубже, — хлопнув в ладони, он пробормотал, словно раздумывая над тем, как ответить самому себе: — Почему она вообще представилась как Гефестион?

Whydunnit. Почему она это сделала?

Это был источник его мыслей, к которому всё возвращалось. Но какой мотив он озвучит в этот раз?

— Ох, ясно. Это лишь остаточный образ. Нет, всё гораздо безнадежней.

— О чём это Вы? — спросила Ольга-Мария, выгнув брови, но учитель покачал головой.

— Я всё объясню потом. К сожалению, здесь без доказательств не обойтись. Но я не знаю, подспеют ли они вовремя.

Губы учителя, сжимавшие сигару, изогнулись в горькой улыбке, после чего он внезапно бросил взгляд в сторону двери.

Снаружи раздался шум. Учитель возвёл какой-то барьер, но он явно не заглушал звуки, потому что мы услышали голоса.

— П-подожди, Мелвин! Учитель сказал никого не впускать!

— Мне можно, потому что я закончил с услугой, о которой Вэйвер так слёзно умолял!

Выражение лица учителя слегка расслабилось.

— А, вот и он. Грэй, открой дверь, пожалуйста.

— Хорошо.

В комнату ввалились двое молодых людей.

Одним был Каулес, другим – Мелвин. Последний, отчётливо выделяясь благодаря броскому белому костюму, гордо выпятил грудь.

— Ха-ха, ты просил – я сделал! Аукцион отложили!

— Как всё прошло?

— Если нужна шумиха, то я в этом профи! После моих жалоб на неадекватные каталоги, постоянные задержки, непонятные указания для опоздавших участников и вообще всё, что пришло мне в голову, аукционистке пришлось отложить аукцион, чтобы собрать необходимые средства для компенсации. Теперь начало не вечером, а ночью!

У меня в голове промелькнуло слово «нытик», но я не рискнула его озвучить. Всё-таки в этом молодой человек был действительно хорош. Я легко могла представить, как он точно так же жалуется в каком-нибудь лондонском бутике. Хуже всего было то, что он бы выгодно отличался от других покупателей.

— Замечательно, — кивнул в ответ учитель и достал из кармана часы на серебряной цепочке. — С вечера на ночь, значит? Надеюсь, всё получится.

— Что Вы собираетесь делать, учитель? — спросил Каулес.

Юноша явно был встревожен, но учитель лишь неловко рассмеялся.

— Спешить некуда. Прежде всего мне нужно восстановить энергию. Кстати, Каулес, можно попросить тебя ещё об одной услуге?

*

После этого ситуация не изменилась.

Учитель молча вернулся в постель, чтобы отдохнуть, а я расположилась рядом.

Каулес тоже не покидал комнату, потому что ему нужно было перебинтовать спину учителя и вновь нанести лекарство, полученное от Ольги-Марии.

Когда из динамика раздалось приглашение на ужин, учитель сказал, что в этом не было необходимости, и мы решили никуда не ходить.

Веселился лишь Мелвин, который то появлялся, то исчезал. По его словам, в поезде было тихо. Однако нас всех не покидало странное предчувствие.

Короткая, но вселяющая ужас поездка на «Рельсовом цеппелине» подходила к концу.

Поздно ночью по поезду эхом разнеслось объявление.

— Дамы и господа, — грубо вторгся в мои уши уже знакомый баритон проводника Родена. — Мы рады сообщить о начале аукциона Мистических глаз. Приглашаем вас во второй вагон, также известный как Пандемониум.